

СТЕНА

человеческая

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

ТАЦУДЗО ИСИКАВА

ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ

ВЕТВИ большой вишни на школьном дворе были уже совсем голыми, и даже воробьи перестали прилетать и опускаться на них. А вдали за вишней синело море. Но и оно совсем опустело — только вода, и ни одной лодки на ней. По белым барашкам на волнах можно было определить, какой силы ветер бушует над водным простором.

В классе, в углу, топилась старенькая печка. По городскому бюджету на отопление школ не отпускалось ни иены, поэтому пришлось с согласия родительского комитета собрать по пять-десять иен с каждого школьника и купить угля. Но его не хватало, и было решено топить печь лишь с января и то только в плохую погоду...

Третий урок. Экзамены по математике. Стекла в окнах дребезжат от ветра. Далекая поверхность моря постепенно вся побелела. По небу стремительно несется поток туч. Стоя за кафедрой, учительница Одзаки смотрит на учеников.

Одно место не занято: оно принадлежит ученику, который систематически пропускает занятия. Другое место свободно потому, что школьник, сидящий на нем, болен воспалением среднего уха. Пусто также место Канаяма Акио. Почему он не пришел? До нынешнего лета он тоже долго не посещал школу. Вместе с отцом он жил в пещере на берегу моря. Это способный, хороший мальчик. Его отец снова начал работать в шахтах, и с осени Акио стал регулярно ходить на занятия. Конечно, он отстал, но голова у него неплохая. Результаты его стараний уже видны: он с каждым днем делает новые успехи и к окончанию школы вполне сможет догнать остальных. Учительница была довольна им. Но почему же он не явился на экзамен? Это немало тревожило ее...

Экзамен закончен, закончены уроки. Пока учителя приводили в порядок работы учеников, кончился короткий зимний день, начало смеркаться. Из коридора вошел сторож Андо. Зажигая одну

за другой четыре электрические лампочки, он приблизился к учительнице и, по-стариковски растягивая слова, сказал:

— Сэнсэй, там пришли, хотят поговорить о чем-то. Что сказать?

— Кто же это такой?

— Как его?.. То ли Канэда, то ли Канай...

Одзаки Фумико поспешно встала, отодвинув стул. Конечно, это отец Канаяма Акио. Акио не пришел сегодня на экзамен. Раз здесь его отец, значит, что-то случилось.

Открыв расшатавшуюся в пазах застекленную дверь, ведущую в помещение обслуживающего персонала, Фумико увидела, что возле большого котла для кипячения воды стоит какой-то мужчина. На нем было надето что-то вроде сирусибантэн¹, на ноги натянуты штаны, протершиеся на коленях.

— Здравствуйте, сэнсэй! — сказал он. Это был худой, высокий, с блестящими глазами, загорелый мужчина лет сорока.

— Я отец Канаяма Акио, о котором вы всегда так заботились.

— Что случилось с Канаяма-кун? — торопливо спросила она. — Сегодня был экзамен, а он не пришел.

— А-а, он все-таки не пришел?.. — пробормотал Канаяма Торадзи, поникнув головой.

— Что с ним? Что-нибудь произошло?

— Да-а... — мрачно промолвил он. — Как это не хорошо... Уж вы извините, пожалуйста.

И он поклонился с таким видом, будто собирался сейчас же уйти.

Ясно, что с его сыном приключилось что-то необычное. Одзаки Фумико остановила Канаяма Торадзи и усадила на приступку у входа в каморку Андо. Андо налил ему и учительнице чаю.

В ответ на вопросы учительницы Канаяма Торадзи, положив обе руки себе на колени, голосом, в котором чувствовалось сильное волнение, несвязно, то и дело запинаясь, рассказал следующее.

— Говорят, что домой-то он из школы вчера пришел. Я в это время был в шахте. Домой я вер-

¹ Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 2 за 1962 год.

¹ Сирусибантэн — рабочая куртка, на спине которой изображен знак или марка фирмы, а на бортах — название фирмы или фамилия и имя хозяина.

нул в шесть часов. Перед ужином сколько я ни искал Акио, так и не нашел.

К десяти часам ночи я стал так беспокоиться, что пошел заявить в полицейскую будку на углу Симматти. Но полицейский только буркнул: «Ладно, буду поглядывать», — и никакими розысками не стал заниматься.

Сегодня я отпросился из копей на весь день и повсюду искал его, но так нигде и не нашел. Тогда я подумал: а может быть, он в школе, ведь он так любит ее. Вот я и зашел к вам спросить. Уходя из дому, он взял с собой учебники в фурсики².

— Ушел с учебниками? — с удивлением переспросила учительница.

— Да. Дома нет ни карандашей, ни тетрадок — ничего.

— Но ведь... Разве были какие-нибудь причины, вынудившие Акио бежать из дому? — впиваясь глазами в лицо Канаяма, спросила она.

— Гм... Как вам сказать... Единственное, что можно предполагать, — это... Дело в том, что он, по-видимому, не ладит с моей женой. Не знаю, может быть, это и послужило причиной.

— Что вы говорите! Так, значит, ваша жена вернулась домой? — воскликнула Фумико.

Она знала, что мать Канаяма Акио, бросив мужа и сына, скрылась неизвестно куда. На прощание она купила сыну подводные очки и несколько раз повторила: «Смотри, береги их!» И с того вечера она больше дома не появлялась. Нырять на морское дно в этих очках, Акио всегда вспоминал мать... Об этом он даже написал как-то в своем классном сочинении. Почему же теперь, когда мать вернулась домой, он не ладит с ней?..

— Нет, — мотнул головой Канаяма Торадзи, — у меня теперь другая жена. Она очень вспыльчива и часто ссорится с Акио...

— А-а, вот что, — сказала Одзаки Фумико.

И ей показалось, что наконец-то она все поняла. Но в то же время ей думалось: какая все-таки странная вещь — отношения между людьми. До прошлого лета Канаяма Торадзи был безработным. Он был, как говорится, «гол, как в бане» и жил в пещере на берегу моря. Котел, медный чайник, цинковка и чашка — вот и все его пожитки. Жил он, как Сюнкан³ на острове Кикаигасима, собирал выброшенную морем морскую капусту — «вакамэ», ловил моллюсков и этим поддерживал свое существование.

Устроиться на работу на копи ему удалось лишь каких-нибудь два-три месяца назад. Нельзя сказать, что теперь его жизнь стала слаще. Но, тем не менее, нашлась женщина, готовая пойти к нему женой. Ведь ясно, что и сейчас он «гол, как в бане», чем же объяснить появление этой женщины у него? Значит ли это, что между ними такая глубокая любовь, или же ее поступок объясняется чи-

сто животной страстью? Скорее всего — последней. И от этой мысли Одзаки Фумико даже покраснела.

Не появилось ли у Канаяма Акио чувство отвращения к этой новой «матери», а также и к отцу, живущему с такой женщиной, как с женой? Может быть, сны этого мальчика о покинувшей их матери слишком уж не походили на то, что он встречал во второй жене своего отца, и при виде ее он чувствовал невыносимое разочарование.

Неужели нет никакого пути к разрешению неестественных отношений между мачехой и пасынками?

— Это я во всем виноват, — сказал Канаяма Торадзи, опустив голову. — Я сделал ошибку, взяв эту женщину к себе в семью. Она по ночам работает и кое-что зарабатывает. Но она такая безалаберная распустеха: спит до полудня и даже риса не может сварить.

— А вы... — вдруг воскликнула учительница Одзаки, — а вы искали его там... ну, в той пещере, где вы раньше жили? Он, наверное, там!

— Да, — спокойно ответил Канаяма Торадзи, — и туда ходил, но его там не оказалось.

Был конец учебного года, у всех было много работы, и, хотя пробило уже пять часов, из учительской еще никто не ушел. Когда Одзаки Фумико вернулась за свой стол, из-за соседнего стола послышался голос учителя Итидзэ.

— Что-нибудь случилось? О чем вы задумались?

— Да один мальчик из моего класса сбежал из дому.

— Сбежал? В такой холод? Почему? Из-за домашних неполадок? Когда дети убегают из дому, то так и знай, что это из-за неурядиц в семье.

— Похоже, что он не ужился с мачехой.

— Понятно... В таких случаях всегда женщина

Рисунок И. Блюха

² Фурсики — большой платок, заменяющий сумку или портфель.

³ Сюнкан — монах, сосланный в 1177 году на необитаемый остров Кикаигасима за участие в заговоре против узурпировавшего власть Тайрано Кийемори.

виновата. Отец, конечно, тоже, но больше она. Кто этот мальчик?

— Сын шахтера из каменноугольных копей. Его родная мать тоже ушла из семьи и не живет с ними. Вы думаете, его отец виноват?

— Как сказать... Я не знаю, какая у них была семья. Да и зачем учителям соваться в эти дела! Побег из семьи — это вопрос, которым должна заниматься полиция. А раздоры между родителями и детьми входят в компетенцию судов по семейным делам. Вы за это ответственности не несете.

— Уж слишком равнодушно вы к этому относитесь.

— Фу ты! Действительно! Но ведь я же рационалист, — сказал с улыбкой на своем красивом лице учитель Итидзэ. — Я считаю, что ко всему надо подходить рационально. Учитель начального училища — это ведь профессия. А у каждой профессии есть свои профессиональные пределы, своя сфера. Руководить жизнью детей надо, но розыск бежавших из дому детей в сферу руководства жизнью не входит.

От этих разглагольствований Итидзэ у Одзак Фумико стало тоскливо на душе. «Неужели профессия учителя уж так бездушна? — подумала она. — Неужели нужно все время определять сферу своей деятельности, вычислять собственные выгоды и потери?»

В шесть часов она вышла из школы. В поздних сумерках и небо, и море казались совсем черными; продолжал дуть студеной ветер. Обеими руками она прижимала к груди завернутые в фуросики экзаменационные работы учеников. Итак, уже кончается год. Через пять дней рождество. Приближается выпускной акт. К этому времени нужно успеть выставить все отметки, заполнить бюллетени и привести в порядок все делопроизводство, связанное с окончанием года.

На сердце у нее было тяжело. Нестерпимо беспокойно, что стало с Канаяма Акио.

В ее комнате было так холодно, что застыла вода. Было так безрадостно для одной себя разжигать жаровню, кипятить воду, готовить для одной себя пищу — и так изо дня в день. Хотелось сходить в баню, но не хватало времени. Поджарив на углях вяленую рыбу, плеснув зеленого чая в остывший с утра рис, она кое-как поела. Вечером она всегда съедала на скорую руку то, что оставалось от завтрака.

Усевшись перед столиком, Фумико стала проверять работы учеников. Математика и естествознание — всего свыше ста листков. Она ставила отметки, заносила их в вспомогательную ведомость, затем сопоставляла с результатами триместровых экзаменов и другими оценками и выводила окончательные баллы за год.

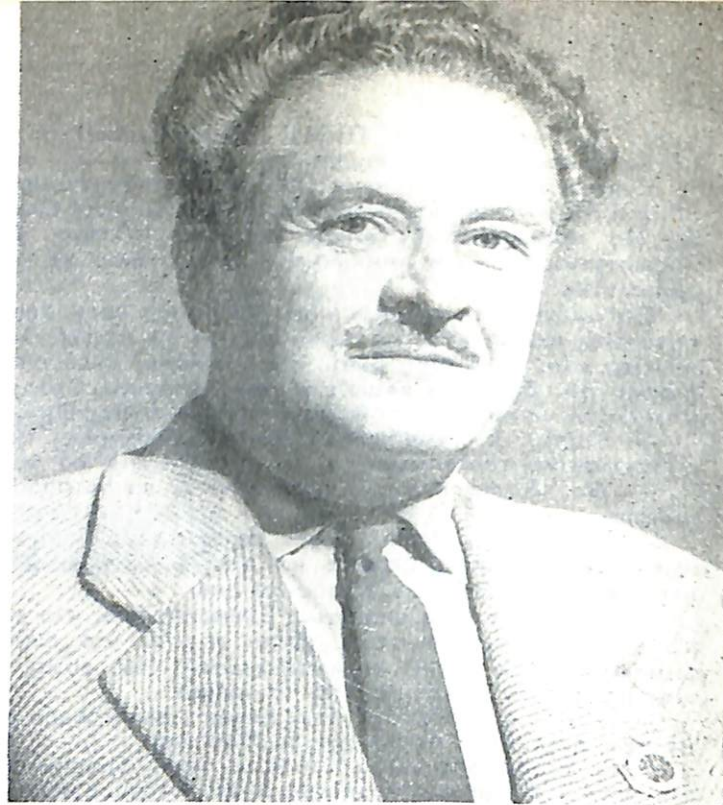
Переписав отметки в вспомогательную ведомость, она увидела, что остались незаполненными три строки: одна против фамилии уже давно не посещавшего школу ученика, другая — у не явившегося на экзамены из-за воспаления среднего уха и третья — у Канаяма Акио.

— Что он сейчас делает?..

Был уже десятый час. Положив перо, она встала и торопливо спустилась во двор. Оттуда она прошла по узенькому переулочку и, войдя в аптеку в тот момент, когда ее уже собирались закрывать, попросила разрешения позвонить по телефону.

(Продолжение следует)

Перевел с японского
В. Константинов

Назым Хикмет

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
и 40-ЛЕТИЮ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вот уже четыре десятилетия звучит над миром голос Назыма Хикмета — поэта-борца, поэта-коммуниста. Революция и поэзия слились в его творчестве воедино. Значение его стихов, поэм, и пьес давно вышло за рамки турецкой литературы, в которую Хикмет вписал немало великолепных страниц. Творчество Назыма Хикмета близко и дорого сотням миллионов трудящихся во всех странах мира, в нем воплощены стремления и надежды народов Азии и Африки, сметающих колониализм с лица земли.

Советские люди давно и горячо любят Хикмета — своего замечательного современника и теперь уже своего соотечественника. В дни его юбилея в Центральном доме литераторов состоялся торжественный вечер. 22 января 1962 года в Институте народов Азии Академии наук СССР на чествование поэта собрались советские востоковеды. Его тепло приветствовали ученые, журналисты, преподаватели вузов.

Назым Хикмет — не только один из крупнейших современных поэтов Востока, не только пламенный и мужественный революционер, он человек, внесший огромный вклад в культуру народов Азии, в дело их духовного возрождения и обновления на современном этапе истории.

И как бы признанием его высоких заслуг явилось единодушно принятое в этот день постановление филологической секции Ученого совета Института народов Азии Академии наук СССР о присвоении Назыму Хикмету ученой степени доктора филологических наук.